

УДК 821.512.

Ananyeva S.V., Cand. of Sciences (Philology), senior lecturer, Head of Department of Analytics and Foreign Literary Relations; researcher, M.O. Auezov Institute of Literature and Art (Almaty, Kazakhstan), E-mail: svananyeva@gmail.com

Gabdullina V.I., Doctor of Sciences (Philology), Professor, Altaian State Pedagogical University (Barnaul, Russia), E-mail: vlgv@mail.ru

FROM THE CONCEPT OF 'HOME' – TO THE CONCEPT OF 'HOMELAND'. The study provides an analysis of dialogic poetics of Korean and German literatures in Kazakhstan. In more detail the article is dedicated to problems of literary connections, parallels, intersections, which is relevant in the twenty-first century, as it is based on humanitarian knowledge of the world, historical, systemic and cause-and-effect approach to the study of deep literary phenomena. Intertextuality acts as a modern stage of comparativistics. Conceptualization is considered as a process of generating new meanings in a complexly structured and densely concentrated literary landscape. Writers and poets are trying to find the answers to the most important questions of our time, to the challenges of globalization. This process contributes to the discovery of the ethnocultural world, universal and global values. "Identity" and "dialogue" act as complementary regulators of national-literary dynamics.

Key words: multiculturalism, world literature, story, play, transnationalism, imagology, postculture.

С.В. Ананьева, канд. филол. наук, ассоциированный проф., зав. отделом аналитики и внешних литературных связей, Институт литературы и искусства имени М.О. Ауэзова, г. Алматы, Казахстан, E-mail: svananyeva@gmail.com

В.И. Габдуллина, д-р филол. наук, доц., проф. каф. литературы, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул, E-mail: vlgv@mail.ru

ОТ КОНЦЕПТА ДОМА – К КОНЦЕПТУ РОДИНЫ

Статья посвящена проблематике литературных связей, параллелей, пересечений, которая и в XXI веке актуальна и востребована, так как в её основе – гуманитарное познание мира, исторический, системный и причинно-следственный подход к исследованию глубинных литературных явлений. Современным этапом компаративистики выступает интертекстуальность, концептуализация рассматривается как процесс порождения новых смыслов на сложном структурированном и плотно концентрированном литературном ландшафте. Поиск ответов на важнейшие вопросы современности, вызовы глобализации способствуют раскрытию этнокультурного мира, общечеловеческое и общемировое волнуют каждого писателя и поэта, «идентичность» и «диалог» выступают как взаимодополняющие регуляторы национально-литературной динамики. Содержательная сторона художественных произведений исследуется в ракурсе диалогичности поэтик корейской и немецкой литератур Казахстана.

Ключевые слова: мультикультурализм, взаимовлияние, мировая литература, повесть, пьеса, феномен трансграничности, имагология, посткультура.

Особое место в художественной литературе отводится хронопоэтическим категориям, имеющим национально-символическую наполненность, таким как Дом и Родина, онтологическая составляющая которых, несмотря на всю вариативность культурно-национальных форм, имеет много общего, так как связывается с идеей «своего» пространства, защищенности, зачастую сакрализируется. Сопоставительный анализ произведений авторов, принадлежащих к разным национальностям, с точки зрения интерпретации концептосферы «своего» пространства, позволяет высветить общее и частное в изображаемой картине мира.

В сравнительном литературоведении сосуществуют, постоянно взаимодействующая и обновляясь, разные методы и подходы, определяющими из которых являются генетический и типологический. Типологический анализ осуществляется как в синхронном, так и в диахронном плане, поэтому поиск параллелей, с одной стороны, традиций и архетипов, с другой, и источников – с третьей, может идти как «вширь», в рамках отношений между национальными мультурами, так и «вглубь», в границах национальной литературы, прослеживая и высвечивая в этом исследовательском движении к корням одновременно национальные, инонациональные или наднациональные факты.

Жанрово-смысловое постижение произведения критиками и литературоведами включает исследование литературных текстов с использованием разных культурно-исторических и литературных кодов, концептов и символов. Г. Ермошина считает, что поэт восстанавливает «утраченные связи: между людьми, культурами, голосами, сшивая трещины и разломы своим словом, залечивая раны и разрывы целебным бальзамом» [1, с. 79]. Писатели и поэты вступают в диалог со временем, предугадывая перспективу и эскиз будущего. Велика в этом роль языка и литературы, формирующих национальное самосознание, модели национального мышления, этничности, этностеротипа, этнокультурной идентичности, феномена трансграничности. Язык – «двигатель творческой мысли, заключающий в себе неисчерпаемый источник развития новых и новых выразительных возможностей» [2, с. 46].

Национальный код и национальная идентичность сохраняются в созданном писателем образе мира. Филологический подход к изучению литературного текста предполагает в процессе исследования обращение «и к языковой, и к литературной стороне произведения, и как к тексту, и к многообразным проявлениям *homo loquens* – как говорящего, пишущего, автора, читателя, интерпретатора и прочее, что делается, как правило, в контексте времени и пространства» [3, с. 190].

Общим фактором современного литературного развития выступают мультилингвизм, мультиэтнизм, мультиконфессиональность, высокая степень культурной рецентивности [4, с. 114]. Особую нагрузку в современном литературном процессе «в условиях развития и углубления межкультурной коммуникации обретает рецепция национальных литератур как оригинальных моделей мышления» [5, с. 18]. Современная гуманитарная мысль стремится стать школой понимания Другого (национального мира, художественной реальности, человека), что расширяет границы познания и обогащает наши национальные культурные миры.

Исследование современного литературного процесса Казахстана направлено на продвижение казахстанской модели межэтнической толерантности и общественного согласия, когда двойственная природа идентичности воплощается в характерном для мультикультурализма функционировании бинарной оппозиции «свой – чужой». *Один из ведущих компаративистов В.Е. Багно, специализирующийся в области межкультурных связей, истории и теории художественного перевода, пограничных эпох и пограничных явлений в культуре, вслед за Д.С. Лихачевым, считает необходимым исследовать межкультурные и межлитературные связи в динамике их развития. «Все чаще в последние десятилетия своей жизни, обращаясь к культуре XX века, Д.С. Лихачев призывает изучать наследие русских эмигрантов не только как явление русской культуры или, наоборот, как культуры западноевропейской в тех случаях, когда эмигрантам удалось адаптироваться к инонациональной культурной среде, но и как мост, как посредника в культурном обмене между Россией и Западом»* [6, с. 456].

Обозначенные подходы особенно актуальны при исследовании многонациональной литературы Казахстана, представленной писателями, принадлежащими к различным этносам и национальностям, зачастую пишущими не на своем родном языке, а на языке межнационального общения. Творчество современных немецких и корейских писателей Казахстана в контексте компаративистики мы предлагаем исследовать как мост в культурном обмене между Казахстаном, Россией, Германией, Кореей. В поле нашего внимания – два различных по жанру произведения: пьеса Александра Кана «Коридор» и повесть Елены Зейферт «Плавильная лодочка», – авторы которых обратились к осмыслению концептов Дом и Родина как важнейших составляющих картины мира, вбирающей в себя национальное и общечеловеческое.

Идея поиска Дома и Родины особенно актуализировалась в творчестве писателей, оказавшихся в эпоху глобализации перед фактом утраты устойчивых национальных форм жизни. Открыта и предельно обнажена авторская манера повествования А. Кана, обратившегося в своем творчестве к экзистенциальной проблеме бытия. Символично название пьесы «Коридор», несущее семантику переходного, маргинального пространства, в котором действующие лица меняют свои облики, нравственные ценности трансформируются. Экзистенциальное ощущение одиночества в пьесе А. Кана «Коридор» (жанр которой самим автором определен как патристическая комедия) сквозное: «Самое страшное, когда рядом люди, а на самом деле – никого...» [7, с. 162]; «Всем одинаково плохо и одинаково хорошо» [7, с. 162]; «А сейчас, как в тоннеле: ни начала, ни конца... Вот когда-нибудь войду и обратно не выйду» [7, с. 164]; «Везде одно и то же. Замкнутый круг» [7, с. 180]. Коридор наполнен призраками: бывшие, родные, близкие, дальние, куклы, тени.

Концепт дом в произведении корейского литератора приобретает метафорическое значение, сближающее его с понятием *бездомье*. Римма отвечает бывшему мужу: «А где он, дом? Вот мой дом! (Шумно раскрывает зонтик)» [7, с. 164]. Аня, подруга Антона, 16-17 лет мечтает, как и героини «Трёх сестер» А.П. Чехова, уехать в Москву и жить так, «чтобы никто не мог уходить из мое-

го нового дома и возвращаться, когда пожелает» [7, с. 174]. Антон, сын Риммы и Бориса, собираясь вслед за Анной, просит немного времени «попрощаться с домом. Мысленно». Концепт дом оживает в диалоге героев: «Разве книги спасут, если дом рухнет? Книги надо читать в светлом, чистом и сухом доме» [7, с. 176]. Мотив ухода из дома (Анна, Антон, бабушка) и вынужденного возвращения (Римма) проходит красной нитью через всю пьесу. Нет дома у соотечественника, приехавшего из-за рубежа, он приглашает всех в ресторан на прощанье. И концепт дома вырастает до концепта Родины, маленьких родин, разделенной родины; чудесной родины, пасторальной картины из окна проносающегося поезда, выйти из которого нельзя; родного городка, в котором родилась Римма.

Диалогичность поэтик включает диалог индивидуального и общественного опыта конкретной эпохи. Вот как это происходит у А. Кана: «... Я высвободил близких, дорогих мне людей, замурованных прошлым, политическим режимом, исторической несправедливостью, расизмом и ксенофобией, собственными слабостями, ошибками, просто кривым и дырявым пространством и временем, и возвращал им жизни в своих рассказах, воскрешал их смыслы, которые обыкновенно так стремительно исчезают с уходом людей. И свое сочинительство, и свою литературу я воспринимал уже как некое религиозное действо по возвращению живых и ушедших из духовного небытия» [7, с. 233]. Таким образом, А. Кан раскрывает главный смысл литературы коре сарам – собирать и создавать из осколков прошлого бессмертные образы людей.

О депортации, размышляет один из персонажей пьесы – современный писатель, «творчество» которого прочел всемогущий Аполлон (именно он решает, кого отправить в поездку на историческую родину): «...Между табличками слова – “свобода”, “самосознание” – вот еще такое слово помню: “депортация”. Аполлон своеобразно и необычно воспринимает творческий процесс. Писатель, у которого он был в гостях, чтобы обсудить прочитанное, “ручками своими так мелко-мелко по листу водит, и прямо видно, как из-под пера его маленькие человечки врассыпную разбегаются, потом он их – раз! – волевым движением коротенькой руки обратно – в колонки, темницы, – вот тебе и самая настоящая депортация!» [7, с. 170]. А вот молодая героиня пьесы, Анна, рассказывает о матери, ждущей отца: «Она сейчас как сумасшедшая стала, все ходит по комнате – из угла в угол. Как заключенная за час до освобождения» [7, с. 173].

Герои произведений А. Кана всегда стоят перед выбором. Свой экзистенциальный выбор они совершают вопреки опасности и, порой, страха собственной гибели. Корейский русскоязычный автор «волен работать в самых разных стилях и манерах – архаической, реалистической, модернистской, – выстраивая свой сюжет линейно или метафорически, играя с языком или относясь к нему слишком буквально, используя те или иные уровни художественной условности, создавая одно- или многоэтажные произведения, кому как по силам. Суть не в этом, а в том, что всех нас, как это видно из “Книги белого дня”, объединяет один пронзительный посыл совершенной любви к несовершенному миру, через который наша стойкая, дерзкая литература, в своих лучших проявлениях, своим чистым голосом присоединяется к хору литературы мировой» [8, с. 271].

Творчество корейских и немецких авторов, пишущих на русском языке, разворачивается в условиях языкового и литературного трансграничья, в связи с чем актуализируется понятие имагологического дискурса, посредством которого происходит межнациональный контакт, диалог «своего» и «чужого», узнавание «другого». Авторами коллективной монографии «Литературное трансграничие: русская словесность в России и Казахстане» утверждается, что «исследование функций литературного имагологического дискурса представляется перспективным направлением» [9, с. 262], в связи с тем, что «имагологический аспект исследования направляет интерес к поликультурализму, взаимоотражению культур, обогащенной за счёт других культур национальной культуре» [9, с. 190]. В этом ракурсе представляет несомненный интерес новая повесть Елены Зейферт «Плавильная лодочка», имеющая подзаголовок «Карагандинская повесть» [10]. Е. Зейферт родилась в Караганде, более 10 лет уже живет в Москве. Казахстан, Германия, Россия – эти страны – в ее жизни, поэзии, прозе, судьбе.

Интересны отношения, которые раскрывает автор, между собой и повестью, включая в текст повести метатекст: «Рождающееся произведение как энергетический напиток, им хочется напиться, но теряешь землю из-под ног, летишь, а рядом – берлинские стены, камни на шее, лето без дождей. Ты везде нужен. И гедонизм творчества воспринимаешь как каприз, эгоистический маневр, детский трюк, дающий возможность мнимого ничегонеделания» [10]. В повесть вплетено множество голосов, фактов, разножанровых фрагментов, и автор, рефлексировав по поводу процесса творчества, замечает: «В руках оказываются то лирические пустоты, то эпические нитки. <...> У меня порой нет времени даже

обдумать, почему приходят те или иные фрагменты, а нужно раздвинуть, отодвинуть друг от друга окружающие меня внешние факты и события, как мысли при медитации, иначе облепившие меня выюны внутренних смыслов заглушат друг друга» [10].

Эпиграфом первой части повести Е. Зейферт становятся слова: «Изгнанник укачивает в себе дом» [10]. Концепт дома, многократно репродуцируясь в тексте, приобретает статус лейтмотива, пронизывающего повесть и сшивающего ее разнородный материал в целое мира. Дом как окружающее человека пространство, призванное защитить его от внешнего мира, превращается в сознании героя-изгнанника в нечто, само требующее защиты: «Внутри каждого человека – зародыш дома. Когда человека гонят прочь, его внутренний дом сворачивается в ещё не родившегося младенца. Изгнанник может не догадываться об этом, но он жив этой истиной. Он сидит на корточках, наклонившись вперёд, и укачивает в себе дом» [10]. Память возвращается во времена, когда дом, в котором «на печке варится тыквенная каша, на столе лежит нарезанный к обеду хлеб», в одночасье превращается в пепел: «Дом горит, похожий на болезненный алый шрам» [10]. «Картина дома Христиана Августа на мгновение всплывает в памяти Люки – синей масляной краской покрашен фасад, резные цветы на калитке – и скукоживается, умалется, исчезает. Рига и сушилка у рухнувшего дома из пепла» [10]. Изгнанник, укачивающий в себе дом, находится в постоянном поиске истинного Дома, который в повести оборачивается то теплушкой, то ветхим домиком, врастающим в землю, то кукольным домиком с вырезанной из жести мебелью. А «плавильная лодочка», давшая название повести, «похожа и на лодку, и на люльку, и на гроб» [10].

Ощущение дома приходит к Анне, родившейся на новой родине – в Караганде: «Вечерний запах у дома детский, мягкий. Палисадник и петуньями, душистым табаком и золотым шаром оберегает дом с одного края, яблоневый сад и малинник – с другого. Парадный вход застеклён, мелкие окошки холодной веранды. Крашеное крыльцо, которое Аня и Йоханна моют по очереди. В доме принято закрывать ставни на ночь» [10]. Так младенец-дом вырастает до состояния Дома как пространства защищенного и защищающего.

В «карагандинской повести» Е. Зейферт все сложные для немецкого этноса времена «протекают одновременно, меняются только пространства, их декорации и одежды. Повествование всегда идёт в настоящем времени и синхронно, будь то изображение эмиграции из Германии в Россию, раскулачивания, войны, депортации, трудов армии, эмиграции из России в Германию» [10]. Это рассуждение непосредственно включено повесть как текст в тексте, представляя собой авторский метатекст, который приоткрывает завесу тайны творчества и мироощущения автора.

В повести высока концентрация фактографии и документализма. Документ и история раздвигают нарративные рамки произведения, автором которого Е. Зейферт называет язык. «Повесть написана на русском языке, но герои говорят на немецком языке XIX века (Люка и его семья), на диалекте поволжских немцев (Марийка, Лидия, Марк Феликс, Фридрих и другие), на современном немецком языке (Юлиан)... При лирической густоте тем не менее есть и общая фабула, и отчетливые фабулы-прожилки частных судеб. Люка Зигфрид приезжает с семьей в Россию, морем из Любека, попадает в Ораненбаум, затем обзормом идет через Москву в Поволжье. По дороге умирает его сын Пауль. Чужая земля принимает в себя первую жертву. Но она становится родной» [11, с. 86].

Дом – Родина – чужая земля – родная земля. Так концептуально выстраиваются в произведениях Александра Кана и Елены Зейферт основные темы и смыслы. Творчество корейских и немецких авторов, пишущих на русской языке в условиях инационального окружения, вписывается в процесс глокализации (англ. Glocalisation) как явления культурного развития, проявляющегося в разнонаправленных тенденциях, приводящих к сохранению и усилению национальных отличий, которые в контексте глобализации должны, казалось бы, размываться и исчезать.

В современном сравнительном литературоведении мировой литературный процесс все активнее позиционируется как *новая модель посткультуры*, позволяющая вести речь о современном и постсовременном литературоведении и новом феномене «дискурса гибридности». Аналитическое осмысление картины развития литератур Казахстана через призму трансграничности и инационального восприятия в аспекте межкультурного взаимодействия – таким представляется путь развития отечественного сравнительного литературоведения, в котором исследование литературного диалога прозаиков, поэтов, драматургов и публицистов, представляющих различные этносы в мультикультурном литературном процессе, занимает особо важное место.

Библиографический список

1. Ермошина Г. *В поисках божественного слова*. Знамя. 2010; 5: 79 – 82.
2. Наумова Е.С. *Латинский язык в трудах М.В. Ломоносова. Теория и история искусства*. Вып. 1. Отв. ред. А.П. Лободанов. Москва: Издательство Московского университета, 2012: 42 – 46.
3. Чувакин А.А. *Основы филологии*: учебное пособие под ред. А.И. Куляпина. Москва: Флинта: Наука, 2012.
4. Гафаров Х.С., Гафарова Ю.Ю. Казахстан – Беларусь: культурное взаимодействие в условиях глобализации. *Культурное наследие в диалоге традиций*. Материалы форума писателей и культурологов Казахстана и Беларуси. Отв. ред. М.А. Можейко. Минск: Бел. гос. ун-т культуры и искусств, 2009: 107 – 117.
5. Ломидзе Г., Мегрелишвили Т., Модебадзе И. *Судьбоносные биографии*. Тбилиси: Издательство «Мцигибари», 2011.
6. Багно В.Е. *Миф – образ – мотив. Русская литература в контексте мировой*. Санкт-Петербург: Издательство Пушкинского Дома, издательство «Вита Нова», 2014.
7. Кан А. *Коридор. Дорожка феи в саду*. Сборник пьес корейских авторов. Алматы: «RUAN», 2006: 161 – 193.

8. Кан А. *Книга белого дня*. Тараз: Сенім, 2010.
9. *Литературное трансграничье: русская словесность в России и Казахстане*. Отв. ред. В.И. Габдуллина. Барнаул: АлтГПУ, 2017.
10. Зейферт Е. *Плавильная лодочка*. Волга. 2018; 9. Available at: <http://www.zh-zal.ru/volga/2018/9-10/plavilnaya-lodochka.html>
11. *Мировой литературный процесс: контент, направления, тренды*: учебное пособие. Отв. ред. С. Ананьева. Алматы: Фильм ордасы, 2017.

References

1. Ermoshina G. *V poiskah bozhestvennogo slova*. Znamya. 2010; 5: 79 – 82.
2. Naumova E.S. *Latinskij yazyk v trudah M.V. Lomonosova. Teoriya i istoriya iskusstva*. Vyp. 1. Отв. ред. А.Р. Lobodanov. Moskva: Izdatel'stvo Moskovskogo universiteta, 2012: 42 – 46.
3. Chuvakin A.A. *Osnovy filologii*: учебное пособие под ред. А.И. Kulyapina. Moskva: Flinta: Nauka, 2012.
4. Gafarov H.S., Gafarova Yu.Yu. Kazakhstan – Belarus: kul'turnoe vzaimodejstvie v usloviyah globalizacii. *Kul'turnoe nasledie v dialoge tradicij*. Materialy foruma pisatelej i kul'turologov Kazahstana i Belarusi. Отв. ред. М.А. Mozhejko. Minsk: Bel. gos. un-t kul'tury i iskusstv, 2009: 107 – 117.
5. Lomidze G., Megrelishvili T., Modebadze I. *Sud'bonosnye biografii*. Tbilisi: Izdatel'stvo «Mcijobari», 2011.
6. Bagno V.E. *Mif – obraz – motiv. Russkaya literatura v kontekste mirovoj*. Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo Pushkinskogo Doma, izdatel'stvo «Vita Nova», 2014.
7. Кан А. *Koridor. Dorozhka fei v sadu*. Sbornik p'es korejskikh avtorov. Almaty: «RUAN», 2006: 161 – 193.
8. Кан А. *Книга белого дня*. Тараз: Сенім, 2010.
9. *Literaturnoe transgranich'e: russkaya slovesnost' v Rossii i Kazahstane*. Отв. ред. В.И. Gabdullina. Barnaul: AltGPU, 2017.
10. Zeyfert E. *Plavil'naya lodochka*. Volga. 2018; 9. Available at: <http://www.zh-zal.ru/volga/2018/9-10/plavilnaya-lodochka.html>
11. *Mirovoj literaturnyj process: kontent, napravleniya, trendy*: учебное пособие. Отв. ред. С. Ананьева. Алматы: Фильм ордасы, 2017.

Статья поступила в редакцию 25.03.19

УДК 821.512.141

Batirshin Sh.F., senior teacher, Bashkir State Pedagogical University n.a. M. Akmulla (Ufa, Russia), E-mail: br.shamil@mail.ru

IMAGES OF MYTHICAL ANIMALS IN THE RUSSIAN, BASHKIR AND CHINESE LINGUOCULTURES. The article provides a comparative linguistic-cultural analysis of images of mythical animals and birds on the material of Russian, Bashkir and Chinese myths and legends. The research material is the Bashkir epic "Ural Batyr", Bashkir folk tales, Russian and Chinese tales and legends. For more than one hundred names of animals and birds, lexical equivalents were chosen for comparative analysis – names of animals and birds characterized by magical properties. In the process of analyzing the semantics of the selected lexemes and ways of symbolizing these animals and birds, in the works of folklore, universal and nationally specific ways of interpreting their appearance, qualities, and magical abilities are revealed. Phraseological units are analyzed with these zoonym components, in which their characteristics are given, assessed in the prism of the national culture.

Key words: mythological thinking, image, mythical creatures, linguoculture, symbolization.

Ш.Ф. Батыршин, ст. преп., Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, E-mail: br.shamil@mail.ru

ОБРАЗЫ МИФИЧЕСКИХ ЖИВОТНЫХ В РУССКОЙ, БАШКИРСКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ

В статье дается сопоставительный лингвокультурологический анализ образов мифических животных и птиц на материале русских, башкирских и китайских мифов и преданий. Материалом исследования являются башкирский эпос «Урал батыр», башкирские народные сказки, русские и китайские сказки и предания. Из более чем ста наименований животных и птиц для сопоставительного анализа выбраны лексические эквиваленты – наименования животных и птиц, характеризующихся волшебными свойствами. В процессе анализа семантики отобранных лексем и способов символизации этих животных и птиц в произведениях фольклора выявляются универсальные и национально специфические способы интерпретации их внешности, качеств, волшебных способностей. Анализируются фразеологические единицы с данными компонентами-зоонимами, в которых дана их характеристика, оценка в призмe национальной культуры.

Ключевые слова: мифологическое мышление, образ, мифические существа, лингвокультура, символизация.

Современная языковая картина мира представляет собой многовековой вербализованный опыт познания мира человеком. Известно, что исходные когнитивные понятия в ней носят универсальный характер и находят выражение в картинах мира разных народов. В течение длительного культурно-исторического опыта каждый народ сформировал свою культуру, и картина мира приобрела этнически специфические черты. Однако архетипические образы сохранились в языковом мировидении всех народов, а потому можно утверждать, что мифологические его истоки, сохранившиеся в национальных языковых картинах мира, имеют много общего.

Система миропонимания народов, носителей разноразличных языков, их культурно-исторический опыт познания мира восходит корнями к мифологическим воззрениям и наивным знаниям о мире как среды жизнедеятельности древних людей. Описание природы и природных явлений, животного и растительного мира нашло отражение в народных преданиях, легендах, мифах, пословицах и фразеологическом фондах языков. Мифы создавались как описание божественного, небесного начала в мире, открывали перед людьми потусторонний мир, поэтому сведения о мироздании, изложенные в мифах, считались в народе достоверными. Лингвокультурологический анализ таких форм культурного наследия народа дает возможность выявить способы осмысления различных реалий действительности, в частности образов животных и птиц, особенно тотемных и мифических, в призмe национальной культуры и менталитета.

В данной статье представлено лингвокультурологическое описание образов мифических животных, которые, по словам Р.Х. Хайруллиной, можно условно назвать «конструктами человеческого воображения» [1, с. 97].

В рамках антропоцентрической лингвистики большое внимание уделяется изучению человеческого фактора в языке. Одним из особенностей выражения человеческого фактора в языке является антропоморфизм в отражении объективного мира языковыми средствами. Это свойство как бы пронизывает языковую картину мира, поскольку в ней познающий субъект представляет свое видение реалий и явлений мира, которые мыслятся им как созданные по «своему образу

и подобию». Процессы метафоризации, символизации, олицетворения – вот неполный перечень языковых явлений, в основе которых лежит антропоморфное мировосприятие. Мифология также не является исключением. Боги, волшебные предметы и существа в полной мере обладают характерными чертами самого человека – они умеют говорить, их жизнедеятельность протекает по привычному для людей сценарию, но в то же время они обладают теми чертами, которых нет у обычных людей – бессмертием, невиданной силой, умением перевоплощаться, волшебными способностями. Так же, как и представители человечества, они могут олицетворять добро и зло, характеризоваться положительными или отрицательными чертами. Представителей другого мира с положительными чертами человек создал себе в помощь, а действие разрушающих сил природы символизировал, как злые силы.

Само понятие антропоморфизма отражает общечеловеческий принцип мировосприятия и находит отражение в языковой картине мира любого народа, в том числе и в мифологической. Это подтверждается анализом ее содержания и структуры.

Следовательно, в основе мифологического мировоззрения разных народов лежат общие формы осмысления объективного мира, таинственного и опасного, существ, его населяющих, природных явлений, в результате чего формируются наглядно-чувственные образы животных и птиц как олицетворения добра и зла, существование которых недоказуемо, но которые воспринимались древними людьми как реальные. Такие общие формы осмысления единого мира В.А. Маслова называет культурными универсалиями. «Это сходные для всех культур элементы (наличие языка, изготовление орудий труда, мифы, танцы и т. д.» [2, с. 192]. Интересен факт, что в мифах разных народов описываются одни и те же образы животных и птиц, что демонстрирует универсальный характер мифологического мышления. Более того, в их внешности всегда присутствуют черты реальных животных и птиц, на которых древний человек охотился, встречал в лесах, озерах, болотах. Поэтому можно утверждать, что мифические животные были созданы человеческим воображением на основе реальных существ, но